

Пират

Автор:

[Аргирис Эфталъотис](#)

Пират

Аргирис Эфталъотис

Греческая литература конца XIX столетия представлена выдающимися прозаиками, чьи новеллы и повести переводились на многие европейские языки и достаточно хорошо известны европейскому читателю. Опыт переводов произведений Эммануила Ройдиса, Георгия Визииноса, Иоанна Кондилакиса, Аргириса Эфталъотиса на французский, английский и немецкий языки насчитывает уже целое столетие, многие произведения переводились неоднократно, поэтому имеют собственную богатую переводческую традицию. На русский язык представленные в серии произведения переведены с языка греческих подлинников впервые и дают российскому читателю уникальную возможность познакомиться с замечательными именами новогреческой литературы конца XIX века. О переводчике: Бондаренко Василий Юрьевич – выпускник Салоникского государственного университета им. Аристотеля. Литературный переводчик. Длительное время проживал в Греции. Преподаёт древнегреческий и новогреческий языки. Автор научных статей по древнегреческой филологии.

Аргирис Эфталъотис

Пират

Пират (Маринос Контар)

Новелла

Ещё с юности любил я морские прогулки! Снаряжу лодку, наберу рыболовных снастей, отойду поглубже в море и, если есть настроение, ловлю рыбу, а то распушу паруса и несусь ещё дальше от берега, наугад, куда судьба выведет, пока не встречу тихую бухту, рыбацкую пристань, где всё оставляю, и отправляюсь пешью за новыми впечатлениями.

Как-то раз дневным бризом прибило мою лодку у Нерохори – если кто не знает про него, то это на самом Хлорониси. Вылез я на берег – и к посёлку: поставлю, думаю, свечку Николе Чудотворцу – слышал, что здешние его особо чтут. Тропинка в гору плетётся, я уже почти добрался, и – вот тебе на! – похороны. «Плохой знак!» – думаю я. Присмотрелся – спаси и сохрани! – совсем древнюю старуху к погребению готовят: у крайнего дома народ толпится, вытаскивают гроб и собираются в церковь нести. Позади процессии несчастный старик еле-еле на ногах стоит – под руки его ведут, поддерживают, сам уже идти никак не может, а рядышком ещё несколько старушек и двое-трое мужчин. Последовал и я за ними. Заходим все вместе в храм. «Замечательная прогулка получается! – проворчал я себе под нос. – Отправился красотой полюбоваться, а закончилось все безобразным мертвецом. Будет мне теперь перед глазами мерещиться – поди-ка потом усни спокойно!»

Церковь Святителя Николая Чудотворца была единственной в посёлке. Махонькая такая, приземистая, внутри всегда полумрак, ни колонн, ни купола сверху, плоская крыша, как у большинства сельских домов, – давнишний храм, лет ему сто, не меньше. Окон в нём мало, а те, что есть, – совсем крошечные; стасидии, почерневшие от времени, и земляной пол. Зато иконостас знатный: яркий, весь резной, из орехового дерева и тянется прям до самой крыши. Вот где все сокровища собраны! А икона Чудотворца-то даже побогаче будет, чем у самой Богоматери: одна лампада у образа чего стоит – почти целый слиток серебра, а венков и украшений всяческих превеликое множество; серебряные крестики и кораблики, золотые цепочки и якоря – там столько этого серебра и золота, что, кроме лика святого, ничего более и не видно.

Пока я разглядывал всё вокруг, внутрь внесли покойницу. Умолкли на мгновение певчие, и воцарилась полная тишина, только слышно было, как нервно потрескивали лампы и свечи. Печальный момент. Едва приступил пресвитер к заупокойной, оглянулся я рассмотреть старика – странным выглядел этот дед:

стоять сам не мог, трясло его, словно был неизлечимо болен. Весь жёлтый и сухой, казался высоченным, хотя и сутулый; густые и лохматые брови его свисали местами до самых глаз; губы неприятно дрожали, а усы и волосы были уж совсем седые, почти белые, – удивительный, совсем дряхлый старик!

Через полчаса все направились на кладбище, что позади алтаря, а ещё через несколько минут тяжёлыми комьями влажной земли засып'али вырытую накануне могилу. Здесь старик уже не выдержал, опустился на колени, некоторое время бормотал себе что-то под нос, потом рухнул в траву и умолк. Ему побрызгали на лицо водой, надеясь привести в чувства, но всё бесполезно. Перенесли в келью священника и уложили на кровать. Через минуту он чуть приоткрыл глаза, взглянул внимательно на иконку Чудотворца и испустил дух – не стало больше старика. Что тут сказать?!

Не собирался я там более задерживаться, решил обратно к берегу вернуться. Меж тем уже по всему посёлку разнеслась новость, как от случившегося горя, потеряв дорогую свою жену, помер старый пират Маринос Кондар.

Спустился я к морю, нашёл таверну выкурить кальян и поправить настроение. Только сел, подходит ко мне поздороваться капитан Фанасис – он частенько наведывался в наши края со своим уловом, – так с ним и познакомились. Предложил я капитану угоститься мастичным ликёром, он выпил и присел рядом, напротив. Знал я, что для Фанасиса просто стопка мастики – это ни о чём, попросил принести нам ещё по одной, и вот тогда завязался промеж нас душевный разговор, подкрепляемый время от времени сладкими глотками согревающего напитка.

Надо бы сказать, что капитан Фанасис всегда был чрезвычайно словоохотлив, но а здесь ещё и повод был самый что ни на есть подходящий – дивная история про старика Мариноса Кондара, морского дьявола, разбойника, дикого скитальца, странствующего альбатроса...

– О, это был тот самый случай, когда достаточно одного мгновения – и вся человеческая жизнь внезапно переворачивается! Уж лучше я тебе всё по порядку! – заметил мне Фанасис, вздохнул полной грудью и начал свой необыкновенный рассказ.

– Был я ещё ребёнком, подвизался юнгой на шхуне капитана Маноли – царство ему небесное! Как-то в один прекрасный день заявился к нам в селение Маринос Кондар. Одному богу известно, чего это он в здешних краях надумал скрываться: натворил ли где или за ним кто охотился, ведь то и дело, окаянный, во что-нибудь отвратительное ввяжется – если не убийство, так воровство. А тут притащил с собою пять-шесть осьминогов, устриц и морских ежей – всё яко бы пользы ради здесь ошивается... Шельма ещё тот! То и дело сабля кровью обагрится, а порою и собственной, когда, подвыпивши да в хмельном веселье начнёт отчаянно себя полосовать, удаль свою показывать. Хотя он, бестия, и взаправду красавцем был замечательным и по-молодецки разудалым.

Пришвартовался он к берегу, высаживается – и напрямик вон в те самые виноградники Григория Фисеки. Перемахнул через ограду, нарвал себе целый фартук ягод – и тут же обратно. Только вылезит, а тут хозяин и давай на него шуметь – Григорий не из робких был, дюжий парень, а ещё первый в посёлке горлопан и задира! Издалеча приметил он вора и бросился на него с криком. Тот в ответ смеётся и дёру, Фисеки за ним, а там и народ от шума повыскакивал и тоже к берегу потянулся.

Меж тем Кондар уж в лодке своей уселся и как ни в чем не бывало лопают со своими дружками виноград. Наши совсем рассердились, кинулись скопом и повязать его хотят. Поднялся тогда пират, выскочил ловко на песок, достаёт свой кинжал да как рявкнет:

– Эй, чёртовы недотёпы! А знаете, с кем имеете дело?! Я Маринос Кондар!

Тут все прямо-таки и опешили! Ну а Григорию нехорошо было теперь отступить, насмеяться же потом все будут, вот он и напирает дальше:

– А меня Григорием Фисеки зовут! И если ты не трус, то брось-ка ты свой тесак и давай один на один, прямо здесь, на песке!

Маринос посмотрел пристально на Григория, ухмыльнулся в ус, зачехлил кинжал, скинул с себя жилетку, растопырился и, потрясая своими огромными руками, шаг за шагом, неспешно пошёл на Григория.

– Кто первый рухнет, угощает вечером всю компанию! – поторопился добавить Григорий, приготавливаясь к схватке.

– Всю ночь и до самого утра! – подхватил обрадованный Кондар.

– С музыкой и танцами!

– А как же! Конечно, с танцами!

Ещё немного потоптавшись, ринулись стремительно и злобно друг на друга. Ахнуть никто не успел, как Кондар вцепился Григорию в пояс и со всего маха опрокинул его затылком в песок.

– Хватит с тебя, Григорий, и так уж песка наглотался! – смеялись над ним наши.

«Уж лучше бы он винограда моего поел», – поднимаясь на ноги, думал про себя расстроенный Григорий.

Тем же вечером таверна дядьки Феохари гудела и звенела от радушия и гостеприимства! Всем посёлком собрались поглазеть на легендарного Кондара.

Тот, кто на промысле своём слыл беспощадным зверем, сейчас казался ангелом неземным. Только здесь и только у нас, на наших островах, могут народиться такие красивые парни: высоченный, словно кипарис, крепкий в плечах и стройный в поясе, с большущими, как у девицы, глазами и с чёрными, будто смоль, дерзко вздёрнутыми усами. Уставились все на Мариноса, а он тут меж нас сидит и шумно пьёт за здоровье Григория, называет братом и нахваливает его янтарный виноград! Григорий-то на друга своего никак не наладуется, да и кто теперь ему вспомнит, как опрокинул его Кондар прямо головою в песок.

– Эх, в горле у меня пересохло, скажи-ка, чтоб нам ещё принесли, и я дальше буду рассказывать.

Нам налили по третьей стопке, Фанасис тут же залпом осушил свою...

– Ну, слушай же дале. За скрипками и инструментами послали в соседнее Мегалохори. Пока музыкантов везли, гостей потихоньку разогревали. Вот прибыла музыка, затянулись песни, замелькали платочки, заплелась хороводом верёвочка... К каждому подойдёт Кондар, каждого по отдельности пригласит он на танец.

Только время за полночь перевалило, всей гурьбою, да с распевами, отправились напрямиком в дом Фисеки – он тогда у мачехи своей жил вместе с младшей сестрою Ириной. Разбудил Фисеки сестру, наказал по чарочке вина гостям поднести для угощения – был с ним в компании приятель один, которого Фисеки себе в зятя заприметил. Не имела привычки она перечить брату, поднялась от сна, в платья праздничные оделась и выходит к гостям вся нарядная, восемнадцати лет красавица, черноокая и белокурая, а в нежных руках своих поднос держит с угощением. Гости-то как девушку увидели, рты свои поразевали, но более всех в изумлении пребывал Маринос – в стороне стоит, усы тербит, накручивает, делает вид, что не замечает, а взгляд-то его так и мечется, так и тянется к Ирине, оторваться от неё не в силах. Григорий был человеком открытым, простодушным, потому ничего странного не приметил и к сестре своей доверие имел полное – бог миловал! Любил он сестру очень сильно, и гордость его переполняла, что все на неё смотрят как зачарованные. Выносит Ирина поднос, угостились все по очереди, через некоторое время она опять с напитками выходит, а потом ещё и ещё – так, к слову, до самого утра всё на ногах и ни разу не присела.

Песни и танцы в доме Фисеки продолжились с новой силой, но у Мариноса никакого настроения для веселий – словно весь задор куда-то улетучился: притворился, что захмелел, сидит себе в углу и какой-то тревожный сделался, будто подсел к нему сам сатана или прямо из ада что-то на ухо нашёптывает – настолько беспокойным он теперь казался. Уж утро забрезжило, подошёл к нему Фисеки, вцепился в рукав и танцевать тянет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/eftal-otis_argiris/pirat

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)